

Содержание

<i>Дина Годер. Предисловие к антологии израильской драматургии</i>	5
<i>Ханох Левин. Крум. Пьеса с двумя похоронами и двумя свадьбами (перевод: М. Сорский)</i>	13
<i>Нисим Алони. Невеста и ловец бабочек. Пьеса в двух действиях (перевод: К. Сассонская)</i>	71
<i>Йосеф Бар-Йосеф. Кнопка. Нечто вроде эротической комедии (перевод: С. Шенбрунн)</i>	111
<i>Иешуа Соболев. Деревушка (перевод: Л. Ласкина)</i>	161
<i>Анат Гов. Боже мой! (перевод: Н. Зингер)</i>	225
<i>Эдна Мазия. Игры на заднем дворе (перевод: В. Радуцкий)</i>	295
<i>Гур Корен. Пять кило сахара (перевод: С. Гойзман)</i>	355
<i>Майя Арад Ясур. Амстердам (перевод: Н. Зингер)</i>	417
<i>Рои Хен. Так же как я. Пьеса в двух действиях (перевод: К. Сассонская, П. Адамова)</i>	483

Дина Годер

Предисловие к антологии израильской драматургии

Израиль — не самая театральная страна. Если говорить о современном танце, то да, тут мощное влияние американской и европейской новой хореографии, соединившись с традициями народных танцев Ближнего Востока, да и всех стран рассеяния, откуда в страну в XX веке явились евреи, дало удивительное явление израильского контемпорари данс, осененное гением Охада Наарина. В драматическом театре все иначе: театров мало, выживают они трудно, государство их поддерживает скудно, поэтому почти нет экспериментальной сцены, а репертуарная сцена главным образом рассчитана на коммерческие постановки, приучив к ним не самого требовательного зрителя. Успешные театры, вроде тель-авивского Камерного, имеют много сцен и играют одновременно на всех, работая почти как заводы. Израильские искушенные театралы ругают театр своей страны: репатрианты из России, Польши, Франции вспоминают старые впечатления, а те, кто родился здесь, говорят, что за настоящим театром они едут в Берлин. Но израильская драматургия существует. И она важна для своей страны тем, что продолжает рассуждать на острые и насущные темы об истории, религии, политике и социальных проблемах, о которых спорят израильтяне, а зарубежным читателям и зрителям многое объясняет в пристрастиях, обидах, гордости и комплексах израильтян, их особенном патриотизме и специфике исторической памяти, делая явным то, что на самом деле волнует горячую интеллигенцию страны.

Собирая пьесы для этой антологии, я хотела показать достаточно широкий спектр драматургии, которую сегодня ставят в Израиле: тексты драматургов разных поколений, разных направлений и жанров, традиционные и экспериментальные, коммерческие комедии и драмы, рассчитанные на понимающего зрителя, те, что уже считаются классикой, и те, что написаны всего пару лет назад, с остро актуальным сюжетом и с рассказом об исторических событиях, хоть и не очень давних. Главным для меня было одно: я хотела показать израильскую драматургию как современную, которую и сегодня было бы интересно читать, ставить и смотреть на российской сцене.

Одно из самых известных имен израильской драматургии в своей стране и за рубежом, включая Россию, — Ханох Левин. Его слава и скандалы, связанные с его пьесами, которые воспринимались в Израиле как политические и провокативные, при жизни Левина (а он рано умер от рака, в 1999 году) до России не докатились. Его пьесы на российской сцене неоднократно ставили уже после смерти драматурга, но их социальный заряд здесь не считывался. Они воспринимались как парадоксальные и абсурдистские, а герои, увиденные безжалостными глазами сатирика, по русской традиции, превращались в печальных и несчастливых евреев, возможно, смешных, но скорее достойных жалости, чем издевки. Одна из самых значимых пьес Левина для отечественных театралов — «Крум», но не потому что в России ее много ставили, а благодаря знаменитой польской постановке Кшиштофа Варликовского, в 2006 году привезенной на гастроли в Россию и со временем обросшей легендами.

«Крум», написанный в 1975-м и сразу же поставленный самим драматургом в городском театре Хайфы, не раз ставился в Европе уже в двухтысячных, что укрепило Левина на позиции классика — европейское и американское

признание всегда много значило для израильской культуры, не лишенной провинциальных комплексов. Но для российского театра, как мне кажется, эта пьеса про человека, обещавшего много и не исполнившего ничего, влюблявшего в себя других, но не любившего, мечтавшего написать великую книгу, но даже не приступившего к ней, — встраивается в свой драматургический ряд начиная с чеховского «Платонова» до вампиловской «Утиной охоты» и более поздних героев — амбициозных, но не состоявшихся. Для этой пьесы особенно существенно ощущение затягивающей и удушающей провинциальной жизни, из которой не выбраться, — это частый мотив для Левина, также отзывающийся в русской драматургии.

Еще один классик израильской драматургии из нашей антологии — Нисим Алони, он был старше Левина, менее плодовит и тоже предпочитал сам ставить свои пьесы. Алони, как и Левин, умер в самом конце XX века, но его пьесы продолжают ставить — это поэтический и абсурдистский театр, часто далеко уходящий от местных реалий в выдуманный мир, что для израильских пьес нетипично. Впрочем, пьеса 1967 года «Невеста и ловец бабочек», где невзрачный человек с сачком встречает в парке сбежавшую со свадьбы невесту, как будто полна отсылок к обыденной жизни (как пишут, бедный и живописный южный Тель-Авив, где родился Алони, всегда был для него источником вдохновения), но кажется, что именно от реальности его герои и мечтают сбежать. Не даром в самой пьесе говорится, что она навеяна картинами еврейского сюрреалиста Йоселя Бергнера.

Из драматургов старшего поколения в антологии есть пьеса недавно ушедшего из жизни Йосефа Бар-Йосефа, пожалуй, больше всех ставившегося в России, у него даже двадцать лет назад в издательстве «Текст» выходил сборник «„Трудные люди“ и другие пьесы». Бар-Йосеф, автор

романов и больших драм, построенных на семейных конфликтах и сложных характерах, как мне кажется, особенно любим в России за то, что в его текстах речь всегда идет о людях и их взаимоотношениях, в них всегда есть яркие характеры и хорошие роли для артистов, что для театра немаловажно. Среди героев пьесы 1982 года «Кнопка», которая публикуется в этом сборнике, кроме пары давно разошедшихся супругов, между которыми теперь возобновляются напряженные и противоречивые отношения, есть пациент психиатрической клиники подросток Рафи, который никак не может взять в толк, что здесь происходит, но пытается отвоевать свое место при докторе. В израильской драматургии образ человека с ментальными и психическими особенностями встречается очень часто, давая возможность как бы через него с другой стороны взглянуть на происходящее, это перекликается с традицией юродивых в русской литературе.

В пьесе еще одного патриарха израильской драматургии, Иегошуа Соболя, «Деревушка», написанной в 1995-м, главный герой, от имени которого ведется рассказ, — дурочок Йоси, работающий могильщиком на деревенском кладбище и разговаривающий с животными. Соболю знаменит политическими и социальными драмами, один из самых известных его текстов — большая многофигурная пьеса «Гетто», действие которой происходит в Вильнюсском гетто в 1941–1943 годах. Но для этой антологии выбрали пьесу более камерную, хотя ее события тоже происходят во время войны, только в Палестине, которая не так далека от боев Второй мировой на севере Африки. В пьесе беспрестанно говорят о войне и слышны отзвуки Холокоста, но оттого, что все это увидено глазами простодушного Йоси, трагические события как будто уходят на задний план, а жизнь наполняется надеждой на лучшее. И кажется, что смысл этой надежды в скором создании

на месте патриархальных палестинских деревень независимого Израиля, которое должно спасти гибнущий в Европе еврейский мир.

Эдна Мазия, одна из самых признанных и успешных сегодня израильских драматургов, в этой антологии представлена острой пьесой «Игры на заднем дворе», идущей широко во всей Европе и по подходу к проблеме очень актуальной сегодня в России, несмотря на то что написана в 1993 году. Речь в ней идет о подростковом насилии, в центре сюжета — документальная история о групповом изнасиловании пятнадцатилетней девочки. Но существенно еще и то, что параллельно с рассказом, как это произошло, мы видим ход судебного разбирательства, полного подтасовок и выглядящего столь же опасным и манипулятивным, как разговоры подростков на заднем дворе с испуганной девчонкой, которая хотела выглядеть крутой. В пьесе этой, написанной умно и жестко, есть сильный феминистский заряд, и, как пишут, еще во времена первой израильской постановки почти тридцать лет назад ее считали серьезным аргументом против объективации женщин.

Анат Гов, журналистка, драматург и сценаристка, уже, к сожалению, покойная, тоже работавшая с феминистскими темами (она была среди основателей организации, поддерживающей жертв сексуального насилия), участвует в этом сборнике с написанной в 2008 году пьесой на двоих «Боже мой!», которую, наверное, можно назвать коммерческой интеллектуальной комедией (или драмой). Исходная ситуация выглядит парадоксально: к психологу Элле, имеющей частную практику, на прием приходит Бог, нуждающийся в утешении и оправдании, и все действие — это их разговор, споры и рассуждения на религиозные темы с позиции атеиста. Для Израиля, где религия не отделена от государства и связанные с ней вопросы

стоят очень остро, особенно в интеллигентской среде, это весьма неожиданный поворот.

Еще три писателя, чьи пьесы входят в сборник, принадлежат к следующему, более молодому театральному поколению. Гур Корен, актер, режиссер и успешный автор, работающий сегодня драматургом в Камерном театре Тель-Авива, имеет явный талант видеть смешное, а еще отличное практическое знание театра, что помогает ему писать очень выигрышные и привлекательные для актеров роли. В пьесе «Пять кило сахара», написанной в 2009 году и впервые поставленной Евгением Арье в театре «Гешер», автор отдал главному герою свое имя и даже сам его сыграл. Фантастическая история, где к говорливому раздолбаю-герою постоянно является покойный дедушка, на короткое время заселяясь в тела случайных встречных, и сама по себе забавна. Но, конечно, настоящая радость и вызов для актеров, играть персонажей любого пола, возраста и рода занятий, которые вот сейчас были кем угодно — подростком, проституткой или любым прохожим на улице — и в одну секунду, не меняясь внешне, превратились в ироничного, витального и настырного деда, пересыпающего речь идишскими словечками. Корен крепко держится за реальность: как тельавивец он наполняет рассказ именами улиц и знаковых мест города, как выпускник театральной школы — цитатами, названиями пьес и именами драматургов, так что его комедия, если ее снабдить комментариями, может неплохо ввести в курс израильской жизни.

Майя Арад Ясур имеет репутацию новатора в израильской драматургии и вместе с тем постоянно работает с острыми социальными проблемами. Ее пьеса «Амстердам», написанная в 2018 году, строится как спор перебивающих друг друга голосов, которые не то припоминают, что происходило с героиней — беременной скрипачкой,

израильтянкой, живущей в Амстердаме, — не то на ходу сочиняют ее историю. А может быть, это голоса, звучащие внутри нее — женщины на грани нервного срыва, постоянно ощущающей панику, разрываемой комплексами мигранта и не проходящего еврейского страха перед антисемитизмом. Майя Арад Ясур несколько лет училась и работала в Голландии, в ее пьесе чувствуется знание страны и ее реалий, но куда важнее именно это чувство еврейки, которая везде чужая, которой в спину дышит ужас Холокоста, воспоминаниями о котором полна даже съемная квартира, а в лицо — BDS (антиизраильское движение «бойкот, изоляция и санкции»), требующее признания вины всякого, кто родился в Израиле, за его сегодняшнюю антиарабскую политику. Весь этот сложный комплекс чувств очень понятен израильтянину, особенно левому интеллигенту, кем обычно являются люди искусства, — человеку, в своей стране оказывающемуся в оппозиции к действиям власти, а за пределами страны вынужденного отвечать за эти действия перед негодующими европейскими леваками. В России эта двойственность выглядит особенно узнаваемо, но и на европейские театры горячая скороговорка пьесы Майи Арад Ясур произвела впечатление: она переведена на десяток языков и перед карантином ее приняли к постановке на многих европейских сценах.

Рои Хен, писатель, переводчик с нескольких языков (включая русский) и глава драматургической части в театре «Гешер», дал для этого сборника пьесу 2019 года «Так же как я», рассказывающую о подростковом отделении психиатрической клиники, куда приходит новая преподавательница театрального кружка. Эта пьеса, на мой взгляд, звучит для отечественной сцены актуально, хотя наши психоневрологические диспансеры, больше похожие на тюрьмы, очень далеки от израильских. Но подростки

из пьесы Хена, страдающие самыми разными расстройствами, более всего травмированы отсутствием любви и понимания родителей, не желающих принять «не таких» детей, стыдящихся их перед родней и желающих их «исправить» или спрятать подальше. Это, видимо, общая проблема, и, как рассказывает Рои, после того как пьесы стали играть в «Гешере», какие-то из его идей о работе с подростками, придуманных для пьесы, вошли в практику молодежных отделений израильских психиатрических больниц. После представления публика остается, чтобы откровенно поговорить на волнующие ее темы, это становится частью события и уже очень похоже на то, как проходят спектакли на острые темы в российском новом театре.

Сегодняшняя российская драматургия развивается иначе: она движется в первую очередь людьми совсем молодыми, у нас много драматургических конкурсов и объединений, каждый год открываются новые имена, но все это в первую очередь обращено к новому, экспериментальному театру с юной публикой. Израильская современная драматургия работает прежде всего с традиционными театрами с большими залами и солидными зрителями. У нас такой театр тоже есть, и он всегда заинтересован в современной драматургии, не радикальной, но говорящей о сегодняшнем дне. В этом сборнике, впервые представляющем такой разнообразный набор современных израильских пьес, есть из чего выбирать.